

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

4

КРОВАВЫЙ СЕНТЯБРЬ

Книга четвёртая из цикла «Осколки последней войны»

16+

Сергей Михайлов
Кровавый сентябрь

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Михайлов С. Г.

Кровавый сентябрь / С. Г. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат»,
2007

«Кровавый сентябрь» – четвёртая часть цикла «Осколки последней войны». Осень 2006 года. Иван Рукавицын, проводя журналистское расследование, невольно затрагивает интересы крупного финансиста. И неожиданно получает от того подарок: путёвку в элитный пансионат. Не предвидя опасности, он с семьёй выезжает на отдых. Однако, прибыв на место, узнаёт: его «заказали». Исполнить «заказ» поручено группе чеченских бандитов. Иван с семьёй спешно покидают пансионат. Но убийцы настигают их. Главарь бандитов готовит им показательную казнь. Сумеет ли Иван спастись сам и спасти своих родных? И сможет ли найти заказчика собственного убийства?

© Михайлов С. Г., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

1.	5
2.	8
3.	10
4.	12
5.	15
6.	17
7.	20
8.	22
9.	24
10.	27
11.	29
12.	31
13.	34
14.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Михайлов

Кровавый сентябрь

1.

Я осторожно приоткрыл дверь в кабинет главного редактора.

– Можно?

Василий Иванович, увидав мою голову в дверном проёме, махнул рукой.

– Заходи, Рукавицын. Что там у тебя?

Я робко вошёл и остановился у порога. Обычно независимый в отношениях с шефом, порой даже дерзкий, сейчас я чувствовал себя подобно нашкодившему первокласснику, явившемуся пред грозные очи школьного учителя.

– Да проходи, что в дверях толчешься, – бросил шеф, уткнувшись носом в свежую корректуру и не глядя на меня.

Набравшись смелости, я шагнул вперёд и положил на стол шефа несколько листов бумаги с отпечатанным на компьютере текстом.

– Вот, материал подготовил, – сказал я неуверенно. – Посмотрите, может сгодится.

– Оставляй, потом посмотрю, – небрежно сказал он, не отрывая глаз от стола.

– Это статья...

– Что? Какая статья? – Он наконец взглянул на меня. Взгляд его выражал недоумение.

– Я статью написал, по результатам собственного расследования. – Голос мой окреп, уверенность моя росла с каждой уходящей секундой. – Тут и фото приложены.

– Почему статья? – Шеф всё ещё ничего не понимал. – Что ты мне голову морочишь, Рукавицын? Ты у нас кто? Фоторепортёр. Вот и занимайся своими прямыми обязанностями. А писарчуков у меня и без тебя хватает.

– Вы всё-таки взгляните, Василий Иванович, – настаивал я. Его невнимание к результатам моего первого литературного опыта вызвало у меня протест и даже обиду. Я всю ночь по клавишам стучал, потом обливался, нанизывая непослушные слова друг на друга, а он мне – «голову морочишь»!

Наверное, в моём тоне было что-то такое, что заставило его пересмотреть своё решение.

– Материал-то хоть дельный, писатель? – проворчал он.

– Дельный, – уверенно ответил я. – Крупная финансовая афера в одной московской корпорации. Если материал будет обнародован, может разразиться большой скандал.

Глаза шефа загорелись.

– Давай!

Минут на десять он погрузился в чтение. Повинуясь его немому жесту, я расположился в кресле и приготовился ждать.

Василий Иванович отложил последний листок, снял очки, встал из-за стола, прошёлся по кабинету. Потом остановился напротив моего кресла и тяжёлым взглядом уставился на меня. Я тоже поднялся.

– Вот что, Рукавицын, – сказал он, роняя слова, словно пудовые гири. – Бросай ты это дело.

– Что, плохо написано? – с упавшим сердцем спросил я.

– Ты что, в журналисты решил податься, а, Рукавицын? И ты думаешь, я тебе позволю? Не дождёшься! Журналюг сейчас как кур нерезанных, целыми пачками на работу приходят проситься, очень, заметь, неплохих, а вот профессиональных фоторепортёров днём с огнём не сыщешь. Ты мне как репортёр нужен, понял? Так что даже и не думай.

Я пожал плечами.

– Да я и не собирался менять квалификацию. Это просто проба пера, не более. Зацепился я за эту тему, сделал несколько фото, потом решил комментарий к ним набросать, а вышла целая статья.

– В журналисты проситься не будешь? – с подозрением спросил шеф.

– Не буду.

– Точно? – Он всё ещё сомневался.

– Могу расписку написать.

– Ладно, не язви. – Кажется, он успокоился. – А написано хорошо. Даже отлично. Факты достоверные?

– Сто процентов.

– Ладно, уговорил. В завтрашний номер тиснем. Под твоей фамилией. Не против?

– Да мне как-то всё равно, – снова пожал я плечами.

– Что ж, – шеф окончательно оттаял, – поздравляю с дебютом. Но чтобы больше – ни-ни, понял? А материальчик-то «жареный»! Шуму, полагаю, будет немало. Всё, Рукавицын, свободен.

На следующий день, вернувшись с работы, я положил перед Верой свежий выпуск нашей газеты. С моей статьёй.

– Поздравь, дорогая, – хорохорясь перед супругой, словно индюк, от ощущения собственной значимости и лёгкого приступа «звёздной болезни», сказал я. – Результат моего творчества. И не где-нибудь, а на первой полосе.

Вера впилась глазами в газету.

– Ух ты! – вырвалось у неё. – И подпись, глянь-ка! «И. Рукавицын, соб. корр.». Звучит.

Она углубилась в чтение статьи. Минут через десять отложила газету в сторону, вытряхнула из пачки сигарету, закурила и только потом подняла на меня глаза. Глаза, в которых читалась тревога.

– Ванечка, это не опасно?

– Да что ты! – рассмеялся я. – Это ж всего лишь газета. Что здесь может быть опасного?

– Ты не понимаешь. Ты вторгся в область, где крутятся большие деньги. Очень большие деньги. Затронуты интересы крупных финансовых воротил. А под статьёй твоя фамилия.

– Не сгущай краски, дорогая. Всё будет хорошо, вот увидишь.

По-моему, я её всё-таки не убедил. Со своей стороны, я был совершенно спокоен. Никаких преследований или мести с чьей-либо стороны я не опасался. Всё, хватит об этом. Точка.

Однако точку поставить я поторопился. Наутро, едва я появился в редакции, меня вызвали в районную прокуратуру, для дачи показаний. Промурьжили полдня, задавали дурацкие вопросы, в частности, интересовались, в каких я отношениях с господином Красильниковым, коммерческим директором холдинга «РуссТраст». Потом, едва я вырвался из их лап, сразу же попал объятия родной милиции. Вернее, в следственный отдел ГУВД. И опять посыпались те же вопросы. Следователь не скрывал явно недоброжелательного отношения ко мне, давая понять, что я вторгся в чужую епархию, и вообще, разоблачать преступников – это дело правоохранительных органов, а не каких-то там газетчиков. На что я только пожимал плечами и благообразно кивал головой в знак согласия. А я разве против? Занимайтесь, господа правоохранители, я всего лишь хотел пролить свет на истину.

Меня таскали по инстанциям три дня. А потом отстали. Из некоторых обрывочных фраз я понял, что против господина Красильникова, главного фигуранта моей скандальной статьи, возбуждено уголовное дело. Что ж, поделом мошеннику. Значит, не зря я всё-таки заварил эту кашу.

Шеф все эти дни косился на меня, но явного недовольства не высказывал: рейтинг газеты в последнее время значительно возрос, чему безусловно, способствовало появление моей ста-

ты. Однако со временем страсти понемногу улеглись, и все уже стали забывать о разоблачительной публикации, как вдруг – прошло уже недели три – однажды утром, в самом начале рабочего дня, шеф вызвал меня к себе в кабинет. По его сумрачному взгляду, которым он встретил меня, я понял, что чем-то вновь вызвал его неудовольствие.

– Тебя, Рукавицын, Кесслер к себе приглашает. Хочет познакомиться.

– Кто? – не понял я.

– Президент «РуссТраста». Говорит, что хочет лично выразить тебе благодарность за раскрытие преступных махинаций внутри его компании. О которых он, разумеется, ничего не знал.

Опять «РуссТраст». Я уж думал, что это дело, которое к тому времени правоохранители раскрутили по полной программе, можно смело списывать в архив – по крайней мере, для меня, но не тут-то было. В то же время, я мог ожидать любого развития событий, но никак не приглашения главы холдинга на дружескую беседу. Что ж, жизнь полна неожиданностей.

– И что я должен делать?

– Кесслер – слишком заметная фигура на финансовом небосклоне российского бизнеса, игнорировать его приглашение было бы политической ошибкой. Езжай, Рукавицын, он будет ждать тебя в четырнадцать ноль ноль. Даю тебе на всё про всё два часа. Чтобы в шестнадцать был на рабочем месте, понял?

В назначенное время я уже входил в кабинет одного из столичных олигархов, о котором в журналистских кулуарах ходили самые противоречивые слухи, как правило, не имеющие достоверного подтверждения.

2.

Семён Рудольфович Кесслер, обрусевший немец в пятом поколении, холёный мужчина средних лет, встал мне навстречу. На лице его сияла лучезарная улыбка, рука была предусмотрительно вытянута вперёд, готовая к рукопожатию, да и вся его поза дышала благожелательностью и расположением.

– Рад, очень рад, Иван Петрович! Это большая честь для меня, смею вас заверить. Располагайтесь, будьте так любезны. Леночка, – обратился он к молоденькой секретарше, терпеливо ожидавшей у дверей, – два кофе, пожалуйста. – Он склонился ко мне. – Коньяк? Текила? Леночка, бутылочку «репосадо».

Я пожал протянутую руку и, повинуясь жесту хозяина, уселся в кресло у отдельно стоящего кофейного столика. Он расположился напротив.

– График у меня, сами понимаете, весьма напряжённый, но для человека, оказавшего фирме неоценимую услугу, я всегда готов выкроить время для дружеской беседы. Гнойный нарыв, зревший в недрах компании, рано или поздно мог погубить дело всей моей жизни. Своевременным вмешательством вы вскрыли его. Примите мою самую искреннюю благодарность, Иван Петрович. Увы, Красильников, с которым меня связывали десять лет дружбы и совместного бизнеса, свои шкурные интересы поставил выше интересов корпорации. Более того, он совершил преступление. Что ж, теперь им занимаются люди в погонах. Поделом ему.

Он разлил текилу по рюмкам, посыпал краешек своей солью.

– Давайте выпьем, дорогой мой Иван Петрович, за честных людей. За вас!

Он сделал небольшой глоток и поставил рюмку на столик.

– Спасибо, – сдержанно ответил я, и это было первое слово, произнесённое мной в этом кабинете.

Я обожал текилу, поэтому выпил всю рюмку до дна. Слишком дорогое удовольствие для нашей семьи с весьма скромным бюджетом, но порой, по наиболее знаменательным праздникам (годовщина нашей свадьбы, дни рождения) я всё же позволял себе прикупить бутылочку этого божественного напитка, выбирая из представленного ассортимента марку подешевле. Напиток, которым потчевал меня олигарх, был явно из самых дорогих.

Он тут же наполнил мою рюмку вновь.

– Должен признаться, – продолжал Кесслер, – я пригласил вас не только для того, чтобы распить с вами бутылочку текилы, хотя с удовольствием посидел бы с вами в каком-нибудь тихом уютном местечке, отключив сотовый, забыв о повседневных заботах, сбежав от охраны. – Он снова пригубил свою рюмку. – Иван Петрович, я хочу сделать вам один подарок.

Подарок? Что ещё за подарок? Может, миллион долларов? Я бы не отказался.

Он улыбнулся, увидев недоумение на моём лице. А я чувствовал себя в этом роскошном кабинете до нелепости неловко. Чего уж скрывать, общением с финансовыми тузами мой жизненный опыт не слишком изобиловал.

– Не буду вас томить, уважаемый Иван Петрович, – продолжал он, вынимая из папки какие-то бумаги. – Хочу предложить вам элитный отдых в одном загородном отеле. Вам и вашей семье. Не беспокойтесь, мы берём все расходы на себя, для фирмы это суший пустяк. Возьмёте отпуск, отдохнёте, развеетесь. Ваше руководство против не будет, обещаю. Это, собственно, и есть мой подарок. Ну как, готовы на пару недель сменить обстановку?

– Как-то неожиданно, знаете ли... – неуверенно пробормотал я, ещё не зная, радоваться мне или паниковать. Подарочек, надо сказать, более чем необычный. – Подумать надо, с женой посоветоваться.

– А тут и думать нечего. Поедете тогда, когда вам будет удобно. Но советую с отъездом не тянуть, пока погода держится. Как дожди зарядят – всё, считай, весь отдых коту под хвост. Это под Тихвином, знаете?

– Слыхал. Где-то в районе Ладоги.

– Именно. – Кесслер начал выражать нетерпение, откровенно поглядывая на часы. – Берите эту бумагу, это ваша верительная грамота. Как надумаете ехать, позвоните по этому телефону. Вас там встретят и доставят до места. И учтите, вам, как VIP-персоне, доступны все услуги, которые есть в перечне отеля. Вам и вашей семье. Ни за что платить не надо, всё уже учтено в этой бумаге... Извините, Иван Петрович, у меня важная встреча. Вынужден проститься с вами. Ещё раз спасибо! И не тяните с отъездом, слышите? Сезон дождей в тех краях – не самое лучшее время года... Вот вам моя визитка. – Он сунул мне кусочек шикарного картона. – Звоните, если потребуется. Всегда буду рад помочь. Прощайте!

Я что-то пробормотал в знак благодарности и покинул кабинет гостеприимного олигарха, унося в руках таинственную бумагу, которая давала мне неограниченные права на отдых в каком-то диком захолустье на самом краю Вселенной. К тому же, неизвестно ещё, как на всё это мой шеф посмотрит.

И дёрнул меня чёрт писать тогда эту статью!

3.

Шеф к идее моего отпуска отнёсся, как ни странно, весьма благосклонно.

– Езжай, Рукавицын. Не стоит игнорировать знаки внимания твоего покровителя. Не дай Бог, осерчает. – Василий Иванович хлопнул меня по плечу. – А ты молодец, Иван Петрович, быстро ухватил быка за рога! Статейка-то твоя, глянь, дивиденды уже приносит. – Он ухмыльнулся. – Надеюсь, составишь мне протекцию, когда меня с этой работы попрут?

– Запросто, – ответил я ему в тон. – А что, уже наметилась такая тенденция?

– Не дождётся. Ладно, иди, собирай манатки. Отпуск не забудь оформить. Ишь, благодетель!..

Вера приняла новость с энтузиазмом.

– А что, Ванечка? Давай съездим. Мы с тобой в этом году в отпуске так и не были, всё дела, дела. А тут такой случай. Когда ещё удастся вырваться? Василька с собой возьмём.

– У него школа, – возразил я неуверенно. – Пропустит, потом навёрстывать придётся.

– Наверстаёт. Всего-то две недели. А мы ему поможем. Хочешь, я с его учительницей договорюсь?

Если честно, мне и самому хотелось вырваться куда-нибудь из Москвы, вот так, всем скопом, целой семьёй. Вера права, в этом году мы так и не сумели выбраться в отпуск. Да и Ваське неплохо бы развеяться, глотнуть чистого лесного воздуха: всё лето просидел в Москве, в пыли и копоти городского смога. Тем более, что сентябрь в этом году выдался на редкость тёплым, по-настоящему летним. Температура уже несколько недель держалась выше двадцати, и синоптики обещают сохранение тёплой погоды ещё на неопределённо длительное время. Веры в их прогнозы, конечно, немного, но так уж устроен человек, что всегда хочет верить во что-то лучшее, не так ли?

С другой стороны, срываться с места, вот так, с бухты-баряхты, и лететь неведь куда было не в моих правилах. Я вообще был тяжёл на подъём, каждый свой шаг привык как следует обдумывать, взвешивать, а уж потом принимать решение.

Однако предложение Кесслера ломало мой привычный жизненный ритм. И я не знал, хорошо это или плохо.

– Давай спросим у Васьки, – предложил я. – Как он решит, так и будет.

Вера мягко улыбнулась и не без ехидства заметила:

– Ответ, достойный настоящего мужчины. Главное – переложить ответственность за принятие решения на другие плечи. Особенно, когда это плечи маленького мальчика.

Я пропустил её колкость мимо ушей. Тем более, что она, в сущности, была права.

Мы кликнули Василька. Он не заставил себя долго ждать. Когда мой сын вошёл на кухню, где мы обычно решали наиболее важные семейные вопросы, я с удовольствием отметил, как он вырос за последнее время. Ещё год назад он был крохотным пострельцом, сутками напролёт носившимся по двору с такими же, как он, балбесами-одногодками – и вдруг он повзрослел, превратился в долговязого подростка, ещё не знающего, как управляться с этими длинными конечностями, неуклюже торчащими из штанин и рукавов, как быть с басовыми нотками, ненароком прорывающимися в уже ломающемся голосе. Он изменился не только внешне. Василёк посерьёзней, стал рассудительным, в глазах засветился природный ум и интерес к недетским вопросам. Словом, мой сын становился мужчиной. Честно говоря, я едва успевал за этими спонтанными процессами.

Василёк был у меня от первого брака. С Верой мы расписались чуть больше года назад (пятнадцатого июля, если быть точным – в самой середине лета), и в первое время нашей совместной жизни я с трепетом наблюдал, как складываются отношения между моей верной боевой подружкой и моим единственным сыном. Опасения были небеспочвенны: новая мама,

вытесняющая в сознании ребёнка образ родной матери, всегда вызывает у него настороженность, если не вражду. Особенно, если родная мать чётко запечатлелась в памяти малыша. Дети консервативны в своих привязанностях. Моя первая жена оставила нас, когда Васильку было только полгода – вряд ли он помнил её. Возможно, это сыграло свою роль, но, думаю, всё дело в Вере. Она вошла в нашу жизнь легко, естественно, не пыталась играть роль заботливой матери. Она всегда оставалась сама собой. Уверен, это и стало решающим фактором в их сближении. Они как-то сразу ладили между собой. Дети ведь очень тонко чувствуют фальшь.

Васька внимательно выслушал наше предложение.

– Я не могу пропускать школу, – сказал он, хотя и без особой уверенности.

Было ясно, что он очень хочет поехать, но чувство долга взяло у этого пацана верх над желанием. Я переглянулся с Верой и понял, что от неё тоже не ускользнул этот нюанс в его ответе. Вернее, в интонации, с которой он был произнесён.

– Со школой мы вопрос уладим, – сказал я, уже решив про себя, что поездка состоится.

Вера с пониманием улыбнулась мне.

– Ну если так... – отвёл глаза в сторону сын. – А когда едем?

– Да хоть завтра, – ответил я, подмигнув Вере.

Васька весь засиял от радости.

– У, круто! – вырвалось у него. – Я побежал собирать вещи!

Понятие о долге в миг отошло для него на задний план. Что ж, пацан есть пацан, я в его годы тоже не очень-то стремился в школу. Тем более, батя берёт всю ответственность на себя.

4.

Уладив все необходимые формальности (со школой, с Веринной работой, с покупкой билетов), вечером следующего дня мы отбыли в Питер. А наутро уже были в северной столице. В городе задерживаться не стали, оставив экскурсию по «колыбели революции» на обратную дорогу. Сели в электричку и целых три часа тряслись в душном вагоне по железнодорожной ветке местного значения. До Тихвина добрались только в пять пополудни.

Здесь нас уже ждали – звонок в отель накануне отъезда из Москвы сыграл свою роль. Едва мы вышли на привокзальную площадь, нагруженные багажом и туристическими принадлежностями, как к нам подкатила бежевая «десятка» и мягко затормозила. Из неё выбрался крепко сбитый мужичёк лет сорока и скурым жестом пригласил в машину:

– Прошу.

Я не стал допытываться, каким образом он сумел нас идентифицировать. Скорее всего, по моему фото, которое переслали сюда из Москвы. В этом не было ничего предосудительного, напротив, только свидетельствовало о высоком уровне сервиса: проверка наших документов или выяснение наших личностей путём игры в вопросы и ответы выглядели бы слишком топорно. Как-никак, они имеют дело не с простыми смертными, а с VIP-персонами! Это вам не хухры-мухры.

Я кивнул, однако садиться в авто не спешил. Загрузив нашу поклажу в багажник, мы с Верой решили перед дальней дорогой выкурить по сигарете. Успеем ещё накататься.

Пока мы курили, мой взгляд привлёк припаркованный поодаль от нашей «десятки» чёрный «джип», у которого вертелось два кавказца. Один из них скользнул по нашей группе цепким взглядом, на пару секунд задержав его на мне. Может быть, я слишком предвзято отношусь к этим представителям наших южных рубежей, но мне его взгляд не понравился. Что-то в нём было липкое, словно он фиксировал наши лица, чтобы сохранить в памяти.

– Глянь-ка, – незаметно кивнул я Вере, – эти ребята с далёких Кавказских гор уже и здесь обосновались. Куда ни плюнь, везде они корни пустили. Как тараканы.

– Что-то раньше я не замечала за тобой проявлений шовинизма, – с иронией заметила моя боевая подруга.

Но мне было не до шуток. Какая-то бессознательная тревога овладела мной.

– Не нравятся они мне, – сказал я.

– Обычные торгоши, – пожал плечами Вера. – Они тебе мешают?

– Не в этом дело. Обычные торгоши на «джипах» не разъезжают. Эти дети гор явно не картошкой на рынке торгуют.

– Не бери в голову, Ванечка. Сейчас мы отсюда уедем – и всё забудется. Вот увидишь. Мы сюда отдыхать приехали, а не национальные проблемы решать. Расслабься и получай удовольствие. И не забывай: с нами наш сын.

Это её «наш сын» в миг изменило направление моих мыслей. Я нежно привлёк её к себе.

– Чтобы я без тебя делал, Верунчик, – улыбнулся я.

Она чмокнула меня в небритую щёку.

– Поехали. Хочется побыстрее добраться до места. Притомилась я что-то в дороге. Да и Васильку отдых нужен.

– Загружаемся, – кивнул я.

Мы расселись в авто и вскоре уже неслись по улицам древнего русского города, в котором патриархальный дух былых веков благополучно уживался с последними веяниями западной цивилизации. Наш водитель вёл машину молча, не считая себя, по-видимому, обязанным развлекать нас в дороге. Я был не в претензии: вести непринуждённую беседу с человеком, которого видишь в первый раз в жизни, было не в моих правилах.

Автомобиль вырвался на загородную ухабистую трассу, с обеих сторон обрамлённую стеной густого леса. Я глядел на тёмную лесную массу с предвкушением заядлого грибника, и с каждым пройденным километром мрачные мысли постепенно улетучивались из моей головы, уступая место планам на ближайшие дни. Грибы, рыбалка, пикники на лесных полянах в кругу близких мне людей, вдали от цивилизации и городской суеты – как давно я мечтал об этом! И вот теперь, кажется, мечтам моим суждено было сбыться.

Дорога была пустынна, лишь изредка мелькали встречные авто, на пару-тройку секунд нарушая наше одиночество в этом лесном раю. Случайно бросив взгляд в зеркало заднего обзора, я заметил далеко позади нас едва заметную точку, двигавшуюся в одном с нами направлении. Точка росла, постепенно обретая контуры автомобиля. Обычное, в общем-то, явление на автотрассе, но какое-то подсознательное чувство вновь пробудило во мне тревогу. Не нравилось мне это авто. Может быть, потому, что слишком уж напоминало тот чёрный «джип» с привокзальной площади.

Сократив дистанцию до полукилометра, автомобиль позади нас сбавил скорость и следовал теперь за нами на постоянном расстоянии. Некоторое время я незаметно следил за ним, а потом плюнул: даже если это те самые кавказцы, что это меняет? Едут по своим делам в одном с нами направлении – и всё. С чего я вбил себе в голову, что они имеют к нам какое-то отношение?

Миновали небольшое селение, а километра через три уже въезжали на территорию лесного отеля «Садко». Если учесть, что когда-то эти земли входили в состав Новгородской губернии, то название отеля звучало более чем уместно. Нас встретили с распростёртыми объятиями и тут же, без всяких проволочек, разместили в шикарном коттедже, который целиком оказался в нашем распоряжении. Здесь было несколько комнат, включая гостиную с камином, два телевизора, телефон, куча кондиционеров, компьютер с выходом в интернет, кухня с электроплитой, микроволновкой и холодильником, набитым едой с неограниченным сроком хранения. На втором этаже – огромная открытая терраса, на которой были расставлены шезлонги, плетёные кресла, уютный столик, а в самом углу – ещё один холодильник с прохладительными напитками: пиво, пепси, минералка. Окончательно сразила меня сауна, которая находилась тут же, в коттедже. Словом, полная идиллия.

Вера упала на громадную двуспальную кровать, безупречно застеленную белоснежным покрывалом, и с наслаждением раскинула руки.

– Какая прелесть, Ванечка! Как всё-таки приятно поваляться на кровати после целых суток бесконечных переездов!

Мы распаковали багаж, достали из холодильника несколько чизбургеров, разогрели в микроволновке и наспех перекусили, я – запивая «Будвайзером», Вера и Васька – газировкой. Потом мы с Верой поднялись на террасу, разлеглись в шезлонгах и с наслаждением закурили. А Василёк тут же прилип к компьютеру и принялся мочить каких-то виртуальных монстров.

Я откупорил ещё одну бутылочку пивка.

– Лепота! Чувствуешь, какой воздух?

Действительно, воздух был напоён хвойным ароматом северной природы, о котором в первопрестольной можно было только мечтать.

Перед нами расстилалась панорама лесного отеля. Достаточно обширная территория была застроена уютными бревенчатыми коттеджами, между которыми вились ухоженные дорожки, стрелы аллей, усыпанных красным гравием, пересекали этот райский уголок, то тут, то там видны были летние беседки – я не удивился бы, если в каждой из них был оборудован мини-бар.

Через полчаса нас потревожил средних лет мужчина в безупречном костюме и с белозубой улыбкой на холёном лице.

– Меня зовут Вольдемар, я отвечаю за благоустройство наших клиентов. – Он скользнул цепким взглядом по помещению. – Я вижу, вы уже устроились, господа. Что ж, желаю вам приятного отдыха! К вашим услугам – ресторан, бар, русская баня, боулинг, бассейн, теннисный корт и многое-многое другое – словом, всё, что пожелаете! Для нас большая честь принимать таких дорогих гостей. Смею вас заверить, вы не пожалеете, что приехали сюда. Не буду вас больше задерживать, господа, отдыхайте.

Он исчез так же внезапно, как и появился. Что ж, профессиональная выучка – это вам не хухры-мухры. А то, что этот человек, назвавшийся Вольдемаром, профессионал, было видно и невооружённым глазом.

5.

Три дня мы наслаждались всеми видами отдыха, которые мог предоставить нам отель. Попарились в баньке (с вениками, с кваском), отметились в боулинге, покутили в ресторане, погоняли с Васькой в футбол. И везде, где бы мы ни появились, с нами обращались как с августейшими особами, никак не меньше.

Несмотря на значительную удалённость от центров цивилизации (до Тихвина было километров тридцать, а до Питера – все двести пятьдесят), отдыхающих в отеле было много. По крайней мере, ресторан, трижды в день выполнявший роль столовой, всегда был наполнен под завязку. Отдыхали семьями, парочками, шумными компаниями. Мы предавались всем видам удовольствия, сбросив с плеч бремя житейских забот, на время забыв о бытовых проблемах. В который раз я мысленно благодарил Кесслера за его необычный подарок.

За эти дни мы обошли всю территорию отеля, заглянули в каждый уголок, каждый раз делая всё новые и новые открытия. И везде нас встречал радушный приём. Одно только место осталось для нас закрытым: небольшой участок в самом дальнем конце отеля, огороженный бетонным забором, поверх которого были видны крыши нескольких строений. Скорее всего, решил я, жилые постройки для обслуживающего персонала и различного рода технические сооружения (прачечная, котельная, насосная станция и так далее).

На четвёртый день прелести культурного отдыха потеряли для нас первоначальную остроту и заметно поблекли – нас потянуло на природу. Жить на лоне этой первозданной красоты и не побродить по лесу, не поваляться на лесной полянке, не поудить рыбу в местной речушке, не посидеть вечером у жаркого костра, жадно вдыхая аромат свежесваренной ухи – нет, это было бы величайшим кощунством. Поэтому, получив у Вольдемара необходимые сведения и рыболовное снаряжение, около полудня мы отправились на поиски лесного озера. Здесь мы собирались провести остаток дня, предаваясь всем мыслимым и немыслимым удовольствиям, которые только могла предоставить рыбалка на свежем воздухе в тёплый сентябрьский денёк.

Несмотря на тёплую погоду, признаки осени уже были налицо. Лес радовал глаз тремя яркими красками: зелёной, жёлтой и багряной. По безоблачному небу то и дело проносились стаи перелётных птиц, устремлённые в южные края. Природа, ещё оглядываясь на лето, уже готовилась к зиме.

Озеро мы нашли без труда. Выбрали место на берегу, устроили бивак. К нашей неописуемой радости, вокруг не было ни души. Так хотелось отдохнуть от людской толчеи! Мы были одни в этом лесном раю. Часам к пяти Вера уже колдовала у костра, то и дело помешивая кипящую уху, а мы с Васькой гоняли по берегу в салки. Вскоре моя боевая подруга окликнула нас: – Мужчины! Давайте сюда! Уха поспела.

Мы не заставили себя долго ждать. Обжигаясь и мыча от удовольствия, с прожорливостью кадавров (помните, у Стругацких?) мы поглощали аппетитное варево. Насытившись, развалились на мягкой траве и полностью отдались безмятежной лесной тишине.

Мне захотелось курить. Я приподнялся на локте, вынул из пачки сигарету.

– Дай мне тоже, – попросила Вера.

Мы закурили. В эти минуты мне хотелось, чтобы время навсегда остановилось, а этот миг стал вечностью. Я видел, что Вера тоже счастлива. А уж о Ваське и говорить нечего: отдых в таком райском уголке куда лучше, чем протирание штанов за школьной партой.

– А ты знаешь, Верунчик, что это за земля? – с воодушевлением заговорил я, внезапно почувствовав потребность выговориться. – Отсюда Русь начиналась, понимаешь? Вернее, русская государственность. Именно сюда, на русский север, пришли однажды варяги и начали обустраивать эту благодатную землю. Помнишь, мы проезжали небольшой городок, Старая

Ладога называется? Это самая первая столица древней Руси. Варяги сначала здесь, на севере, корни пустили, приняли эту землю как свою собственную. Киев уже потом был. Владимир, обрусевший викинг, приплыл туда как раз из этих самых краёв.

Я с увлечением рассказывал, поглощённый собственным повествованием. И не заметил, что Вера больше не слушает меня. Я осёкся на полуслове.

– Тебе неинтересно? – с обидой спросил я.

Она пристально вглядывалась куда-то поверх моей головы.

– Там кто-то есть, – сказала она вполголоса. – Вон в тех кустах. Чьё-то лицо. Ребёнок. Или женщина. Наблюдает за нами.

Я повернул голову в сторону зарослей орешника, но никого не увидел.

– Да нет там никого, – махнул я рукой. – Привиделось тебе. Передозировка кислорода, хватанула лишнего – вот тебя и проглючило. С непривычки.

Но Вера не поддержала мою шутку.

– Серьёзно, там кто-то был. Может, медведь?

– С лицом ребёнка? Да брось, Вер, какой медведь! Грибники из местных, небось, бродят. Здесь же посёлок рядом, помнишь, мы проезжали.

Это было самое логичное объяснение, и Вера успокоилась. Мы посидели ещё с часок, а потом начали собираться. Напоследок я рискнул искупаться. Как я и предполагал, вода в озере была ледяная – сентябрь всё-таки.

В отель мы вернулись ещё засветло, но вечерние сумерки уже настойчиво напозлали на землю.

– Ну как, Василёк, классно прогулялись? – спросил я сына, похлопывая его по плечу.

– Нормально, – сдержанно ответил он, считая, по-видимому, что настоящий мужчина должен контролировать свои чувства и не давать волю эмоциям. Однако по блеску его счастливых глаз я понял, что он безмерно рад сегодняшнему дню.

– Завтра ещё пойдём?

– Пойдём, пап.

– Замётано, сын. С утречка встаём пораньше – и на весь день на природу.

– А тётя Вера с нами?

– Тётя Вер, ты с нами? – шутливо окликнул я свою боевую подругу.

– Да разве ж вас одних отпустишь? – звонко отозвалась она из другой комнаты. – Вы ж, мужики, как дети малые, за вами глаз да глаз нужен. Заплутаете ещё, не приведи Бог, а потом МЧС вызывай, ищи вас по всему лесу.

Мы сходили в ресторан и с удовольствием поужинали. Что ни говори, а кислорода мы сегодня, действительно, хватанули с избытком – отсюда и зверский аппетит.

Часов в девять вечера, когда уже стемнело, в дверь нашего коттеджа кто-то робко постучал.

– Входите, открыто! – крикнул я из гостиной, где, развалившись в кресле, пялился в телевизор.

Однако никто не вошёл. Через какое-то время стук раздался снова.

– Кто там, Вань? – спросила Вера из соседней комнаты, где сидела перед трюмо и наводила марафет.

– А я почём знаю?

Мы вышли в коридор одновременно. Я открыл входную дверь. Вера стояла сзади, выглядывая из-за моего плеча.

Сноп света, упавший из коридора, выхватил из темноты фигуру молодой девушки.

6.

Она едва стояла на ногах. Худое, измождённое лицо, ввалившиеся щёки, утонувшие в глазницах большущие глаза – всё говорило о том, что жизнь её в последнее время не баловала.

– Можно, я войду? – едва слышно произнесла она.

– Да, да, конечно, – засуетился я, – заходи. Вера, проводи её в гостиную.

Вера придержала девушку за плечи и отвела в комнату. От усталости незнакомку пошатывало, она держалась из последних сил, чтобы не упасть. Вера уложила её на диван.

– Есть будешь? – спросила она. Девушка кивнула. – Впрочем, что я спрашиваю. Ванюша, принеси что-нибудь с кухни. И чайник поставь. Кофе? Чай?

– Кофе, – чуть слышно отозвалась та. – И чай. С сахаром.

– Да что с тобой сделали, девочка! – невольно вырвалось у Веры.

Я выгреб из холодильника всё самое вкусное, приготовил кофе, чай, добавил несколько пирожных и приволок всё это в гостиную. Однако девушка уже спала. Вера приложила палец к губам, давая понять, чтобы я не шумел. Потом молча указала на журнальный столик. Повинуясь её жесту, я поставил на него поднос.

Мы вышли из гостиной и осторожно прикрыли за собой дверь.

– Где Василёк? – шёпотом спросила Вера.

– В компьютер режется, в соседней комнате.

– Надо сказать ему, чтобы вёл себя тихо. – Она кивнула на закрытую дверь гостиной. – Пускай поспит, бедняжка.

Я кивнул. Вера пошла предупредить Ваську, а я поднялся на второй этаж, вышел на террасу. Достал из холодильника бутылочку пивка, закурил. Вскоре ко мне присоединилась Вера.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросила она.

– Ни капельки, – покачал я головой. – Скорее всего, от своих отбилась, от грибников. Потеряла дорогу и заблудилась. В этих лесах можно сутками плутать и так и не выйти к жилью. Здесь тебе не Подмосковье.

– Может, в милицию сообщить? Или в администрацию отеля? Её, наверное, ищут.

– погоди, давай не будем спешить. Пускай сначала выспится, а потом мы её расспросим.

– Как знаешь, – неуверенно ответила Вера.

Однако девушка спала недолго. И часа не прошло, как она появилась на нашей террасе.

– Ты зачем встала? – кинулась к ней Вера. – Иди, полежи, тебе отдохнуть надо. Посмотри, на кого ты похожа.

Девушка не стала возражать. Вера проводила её вниз и снова уложила на диван. Потом мы её накормили. Несмотря на её измождённый вид, ела она с неохотой. Зато выпила три чашки чая, а когда узнала, что у нас есть «Пепси», с жадностью набросилась на него.

– Как тебя зовут, девочка? – спросила Вера, забирая у неё пустой поднос и присаживаясь на край дивана.

Она ответила не сразу. Потом подняла на меня глаза и тихо сказала:

– Марина.

Почему она смотрит на меня такими глазами, от которых в дрожь бросает? Именно на меня? Как будто хочет что-то спросить, но не решается.

– Откуда ты такая взялась? – снова спросила Вера.

Она не ответила.

– Ну что же ты? Не бойся, здесь тебя никто не обидит.

Марина снова посмотрела на меня.

– Я и не боюсь. Иначе бы не пришла к вам.

– Так кто же ты? – продолжала Вера. – Ты потерялась? Сбилась с дороги?

В глазах девушки появилась мольба.

– Разрешите мне остаться у вас. Я завтра вам всё расскажу.

И снова взгляд в мою сторону.

– Конечно, оставайся, девочка. Ты не против, дорогой? – Вера подняла на меня глаза.

– Пожалуйста. У нас места хватит. Переночуешь на этом диване, а завтра, если захочешь, пойдём вместе на пикник.

– Спасибо вам. – Девушка с благодарностью посмотрела на нас.

– А сейчас ты примешь ванну, – решительно заявила Вера. – Иди, Ванечка, погуляй, мы тут теперь сами разберёмся.

Я оставил их одних и направился к Ваське.

– Эй, убийца монстров, не хочешь перед сном прогуляться?

– Так темно же!

– Ты что, темноты боишься? – подмигнул я.

Васька тут же вскочил из-за компьютера.

– Идём! – Потом понизил голос и скосил глаза на дверь в гостиную. – А кто это у нас?

Я пожал плечами.

– Да я и сам не знаю. Заблудилась, наверное, в лесу. Отбилась от своих и заплутала. Говорит, что завтра всё расскажет. Устала очень.

– А она что, у нас останется?

– На ночь. Пускай выспится как следует. Утро вечера мудренее.

Мы вышли в темноту спустившейся ночи. Впрочем, ночь была там, в лесу, а здесь, в отеле, жизнь кипела на полную катушку. Вся территория была освещена красноватым светом неоновых фонарей. В ресторане гремела попса, из кегельбана доносились удары тяжёлых шаров. Отдыхающие прохаживались по аллеям, утопающим в густой тени гигантских лиственниц, в беседках сидели шумные компании и предавались беззаботному веселью.

Мы молча мерили шагами бесконечные аллеи, наслаждаясь удивительно тёплой погодой. Побывали во всех закоулках, какие только можно было обнаружить. Заглянули в тир, где продали рублей двести, а то и больше. Гуляя, как-то случайно оказались в самом дальнем конце отеля, у бетонного забора, за которым ещё раньше я заметил несколько построек. Сюда, внутри огороженной бетоном территории, вела автономная асфальтовая дорога. Когда мы подходили к забору, по дороге, я слышал, как раз проехала машина. Скрипнули ворота, и авто заехало внутрь. Послышался чей-то гортанный смех, несколько голосов обменялись шутками.

Какая-то неведомая сила тянула меня к этому забору. Я прошёлся вдоль него, пока не обнаружил в стене небольшой пролом, недостаточный для того, чтобы в него мог пролезть даже ребёнок, но вполне пригодный для наблюдения за тем, что происходит внутри. Я заглянул в отверстие – и тут же отшатнулся назад.

Буквально в пяти метрах от меня стоял тот самый джип, который мы видели на станции. Или очень похожий. Возле него вертелись какие-то люди. Они стояли в тени, поэтому я не мог разглядеть их лиц. Но вот один из них повернулся, луч света упал на его лицо.

Это был кавказец. Более того – я не мог в этом ошибиться, – это был чеченец. Слишком много насмотрелся я на них на своём веку, чтобы допустить ошибку.

– Пойдём отсюда, – шепнул я Ваське.

Сыну передалась моя тревога. Больше нигде не останавливаясь, мы напрямиком направились к нашему коттеджу.

– Ну как? – спросил я Веру, когда мы пришли.

– Спит.

Я на цыпочках прошёл в гостиную. Марина безмятежно спала, оставив на пороге сна все свои невзгоды. Светлые волосы в беспорядке рассыпались по подушке, обрамляя симпатичную мордашку нашей странной гостьи. Я невольно улыбнулся. Пускай спит.

Её глаза... Перед моим внутренним взором вдруг снова всплыл этот её взгляд. В нём было что-то такое... не знаю, как это выразить. Что-то такое, что как бы делало нас сообщниками. Бред какой-то! Или не бред?..

– А ты знаешь, Вань, – сказала Вера, когда мы уже ложились спать, – это ведь она была сегодня в лесу. Это её лицо.

– Да, на медведя она что-то мало походит, – мрачно пошутил я.

– И ещё, – добавила она, выдержав паузу, – у неё все вены исколоты. Вот здесь, на локтевом сгибе.

Этого ещё не хватало! Наркоманка!

Я не стал говорить Вере о джипе, только что виденном нами за бетонным забором. И о целой ватаге кавказцев. Не хотелось её зря беспокоить.

Хотя беспокоиться было из-за чего. Я чувствовал, как откуда-то изнутри поднимается тревога, и как ни уговаривал я себя, что всё это не более чем плод больного воображения, отделаться от неё я уже не мог.

7.

Утром в столовой я подозвал Вольдемара.

– Мы сегодня на пикник собираемся, на весь день. Соберите нам с собой что-нибудь из еды. Да, и горячего положите. Очень у вас сегодня котлеты вкусные.

– Настоящие, полтавские, – расплылся в улыбке Вольдемар.

– И картошки жареной, да побольше. На свежем воздухе, сами знаете, аппетит зверский.

– Всё сделаю, – услужливо согнулся в поклоне Вольдемар. – Только я не советовал бы уходить далеко от отеля. В посёлке беспорядки.

– Беспорядки? – удивлённо вскинул я брови. – Что ещё за беспорядки?

Он пожал плечами.

– Да я и сам толком не знаю. Местные, говорят, бузят. Я думаю, ничего серьёзного, однако бережёного Бог бережёт. К озеру сегодня лучше не ходить.

– Хорошо, – кивнул я, – последуем вашему совету.

К концу завтрака он приволок к нашему столику вместительную корзинку с провиантом.

– Удачного вам отдыха, господа, – напутствовал он нас, кивая головой, словно китайский болванчик.

Неприятный тип. Скользкий какой-то, всё время лыбится, а в глазах лёд. Впрочем, мне с ним в разведку не идти и на одном поле... в общем, ясно.

Когда мы вышли из ресторана, Вера шепнула мне:

– Молодец, Ванюша. Девочку хоть накормим нормальной едой. Здорово ты придумал.

Чего уж скрывать, именно для нашей ночной гостии и брал я всю эту снедь. Ну, и для пикника тоже, конечно. Однако сообщение Вольдемара меня не на шутку встревожило.

Марина наотрез отказалась идти с нами в лес. Она испуганно мотала головой и твердила:

– Нет, нет, я лучше здесь! Мне нельзя туда. Ну пожалуйста, оставьте меня, прошу вас! А ещё лучше заприте, чтобы никто чужой не смог сюда попасть.

– От кого ты прячешься? – в упор спросил я.

В её глазах, обращённых на меня, было столько страдания, что мне стало не по себе.

– От страшных людей, – чуть слышно сказала она.

– Иди, Василёк, погуляй, – подтолкнула Вера сына вон из комнаты. – У нас взрослый разговор.

Васька вышел. Вера плотно закрыла за ним дверь.

– Ты наркоманка? – спросил я.

– Наркоманка. Да вы и сами это знаете.

– Давно?

Она кивнула.

– Кто эти люди?

– Это страшные люди, – повторила она. – Преступники. Бандиты, убийцы.

– Они держат тебя силой?

Она покачала головой.

– Они дают мне дозу. А без дозы я... без дозы я не человек. Нет, они не держат меня.

Я сама не хочу уходить. Вернее, не хотела. Три дня назад я решила покончить с этим и ушла. В лес.

– Почему в лес? Почему не к людям?

Она пристально посмотрела на меня.

– Я пришла к вам. Больше мне не к кому идти.

– Где они тебя держали?

– В посёлке. Иногда здесь, в отеле. Но здесь редко, только когда Хасан появлялся. Тогда он забирал меня сюда.

– Это там, за бетонным забором?

– Да.

– Кто он тебе, этот Хасан?

Она опустила голову и отрешённо проговорила:

– Хозяин.

– Это он держит тебя на игле?

– Он, – беззвучно проговорила девушка одними только губами. – Он у них самый главный.

– Они били тебя? Издевались?

– Хуже. – Она отвернулась, чтобы мы не видели её глаз. – Когда они напьются, Хасан отдаёт им меня для... для утех. На сутки, на двое, пока не насытятся.

У меня кулаки сжались от бессильной ярости. Бедная девочка! Что ей пришлось натерпеться от этих выродков!

Для меня многое прояснилось. Здесь, на территории элитного отеля, за бетонным забором, скрывается группа преступников, по всей видимости – чеченцев, во главе которых стоит некий Хасан. Именно их я видел вчера вечером сквозь пролом в стене. И именно они, скорее всего, висели у нас на хвосте, когда мы ехали сюда из Тихвина.

– У тебя кто-нибудь есть? – спросил я у Марины. – Родные, близкие? Кто-нибудь, кто мог бы о тебе позаботиться?

Она смотрела мне в глаза так, словно пыталась заглянуть в самую душу. У меня вдруг возникло ощущение, что её глазами на меня смотрят сразу два человека – она сама и кто-то ещё, неизвестный или давно забытый, из прошлой жизни. Что за наваждение такое!

Марина долго молчала, потом ответила:

– Нет у меня родных. Погибли много лет назад. Есть, правда, один человек, который обещал позаботиться обо мне, – она продолжала сверлить меня взглядом, – но он обманул. Теперь я совсем одна.

Я машинально сунул в рот сигарету, хотя взял за правило не курить в помещении, в котором живу. Идиллия, которой мы так радовались в первые дни нашего пребывания в отеле, кончилась. Совсем рядом, в двух шагах от нас, засели бандиты, которые чувствовали себя здесь весьма вольготно. Я был почти уверен, что они были в сговоре с администрацией отеля и находились здесь с её ведома. А если так, то мы оказались в самом что ни на есть бандитском гнезде. У меня пропало всякое желание продолжать отдых в этом месте. Интересно, знал ли Кесслер, куда нас направляет, когда делал свой щедрый подарок?

– Оставайся, девочка, – принял я решение. – Здесь ты в безопасности. Вряд ли кто-нибудь вздумает искать тебя в этом месте. А мы всё-таки отправимся в лес. Не будем ломать планы.

Мы заперли коттедж, хотя раньше никогда этого не делали, и ушли, оставив Марину одну.

8.

Пикник, ясное дело, не удался – настроение было не то. Мы нашли уютную полянку, развели костерок, выложили провизию, но всё сегодня шло не так, как вчера. Тучи, сгустившиеся над нами, в любой момент могли разразиться грозой.

Часам к трём мы начали собираться в обратный путь. Мы были уже готовы сняться с места, как внезапно услышали чьи-то голоса. Памятуя о предостережении Вольдемара, я насторожился. Перехватив взгляд Веры, я понял, что она думает в унисон со мной.

На поляну вышла группа пацанов лет двенадцати-тринадцати. Увидев нас, они в нерешительности остановились. Потом один из них, самый рослый, набрался смелости и приблизился к нам.

– Дядь, дай закурить.

– Молод ещё, – сказал я, однако сигарету ему протянул.

– А две можно?

– Ладно, бери. Вы, пацаны, откуда будете?

– Местные мы. Из посёлка.

К этому времени к нам подтянулась вся ватага.

– Говорят, у вас там какие-то беспорядки, – продолжил я расспросы. – Врут, поди?

– И ничего не врут. Только какие же это беспорядки? Поколотили «чёрных», вот и всё.

– «Чёрных»? За что?

Парень презрительно посмотрел на меня.

– Вы что, действительно ничего не знаете?

– Нет, конечно. Расскажи.

– Две сигареты, – обозначил цену вопроса малолетний вымогатель.

– На, держи, дармоед.

Сунув в карман халявные сигареты, парень приступил к рассказу:

– Вчера вечером, где-то около одиннадцати, к нам на танцпол завалила целая кодла «чёрных». Кого-то искали, кажется, девчонку какую-то.

– Какую девчонку? – насторожился я.

– Да я точно не знаю. Они как появились, так сразу на наших пацанов попёрли. Наглые такие, типа, мы здесь самые крутые, а вы все чмо и лохи. Свара завязалась, Кольку Палёного порезали. «Чёрные» тут же слиняли, а то бы их всех там замочили – наших-то было в несколько раз больше. А сегодня с утра поселковые пацаны устроили «чёрным» экзекуцию. Ловили прямо на улице и били всем скопом, а потом по домам пошли. На рынке погром устроили, всех торгашей-кавказцев мордой об асфальт. Милиции из Тихвина понаехало, омонцовцев пригнали, порядок наводить. Несколько человек на «скорой» увезли.

– И много у вас этих самых «чёрных» проживает?

– Да хватает. Они в основном возле рынка кучкуются.

– А эти, вчерашние, тоже из торгашей?

– Не, это другие. Они вообще не из посёлка. Говорят, где-то неподалёку живут, в лесу.

Бандюки.

– За что ж вы своих-то побили? Они-то вам что сделали?

– А чтоб неповадно было. Чтоб знали, кто в посёлке хозяин. И вообще, нечего им у нас делать. Пусть катятся в свою Черногорию.

– Куда?

– В Черногорию. Они ведь чёрные и живут в горах.

Я рассмеялся.

– Железная логика, парень. На, возьми за это всю пачку. Только много не кури, а то молодым помрёшь.

Пацан заулыбался, выхватил у меня из рук сигареты и, пока я не передумал, быстро сунул её в карман. Я оставил себе только две штуки, на обратную дорогу.

Возвращались мы молча. И я, и Вера уже поняли, какую девчонку искали «чёрные» в посёлке. Марину, нашу неожиданную ночную гостью. Бедняжку, всеми брошенную, всеми позабытую.

Уже на территории отеля я подумал, что неплохо бы прикупить сигарет. Поэтому, отправив Веру с Васькой в коттедж, я решил сделать крюк, чтобы заскочить в ресторан и пополнить запасы курева. Проходя по аллее мимо одной из живописных беседок, которая пряталась за кустами сирени и с дороги была практически не видна, я внезапно услышал приглушённые мужские голоса. Обычное, в общем-то, явление: отдыхающие предаются мирному отдыху под сенью осеннего леса и мирно беседуют о том о сём. Однако одно слово заставило меня резко остановиться.

Я услышал имя «Хасан».

Пригнувшись, чтобы сквозь листву сирени меня невозможно было заметить из беседки, я замер. Я *должен* был знать, о чём говорят эти люди.

– Лично отвечаешь за операцию, понял? – услышал я голос одного из них. – Новичков нужно убрать уже завтра. Всех троих.

– А как же Хасан? Он хотел заняться ими сам. Я слышал, у него с ними старые счёты.

– Хасан прибудет только через день. Это поздно. Из Москвы поступила команда провести ликвидацию немедленно. Поручи её своему самому надёжному человеку. Есть такой?

– Есть.

– Сегодня же продумай все детали, а завтра... И чтобы всё прошло чисто, понял? Ни одна собака не должна пронюхать о нашей причастности к этому делу.

– Всё будет исполнено в лучшем виде, не впервой.

– Надеюсь. Всё, расходимся.

Разговор закончился, невидимые собеседники собирались покинуть беседку. Я нисколько не сомневался: если меня застукают, мне кранты. Осторожно, чтобы не засветиться, я незаметно покинул свой наблюдательный пост. Оказавшись на безопасном расстоянии от беседки, я припустил что было сил к нашему коттеджу. Слава Богу, меня никто не заметил.

Слова Марины подтвердились: здесь орудует целая банда. И не просто орудует, а готовит убийство. Хотел бы я знать, кто были те «новички», которых собирались ликвидировать!

9.

Вернувшись в коттедж, я застал там не очень приятную сцену. С Мариной приключилась истерика, Вера пыталась успокоить её, но безуспешно.

– Отстаньте, отстаньте от меня все! – кричала девушка сквозь слёзы.

Она сидела на диване в гостиной, обхватив голову руками и покачиваясь из стороны в сторону. Светлые её волосы спутались и лежали на голове беспорядочной копной, лицо покраснело и было искажено гримасой страдания.

– Успокойся, девочка, – уговаривала её Вера. – Всё будет хорошо, вот увидишь. Всё пройдёт.

– Вам хорошо говорить! – запальчиво выкрикнула Марина. – Вы скоро уедете, а я... я здесь останусь, в этом гадюшнике. – Она увидела меня. – А вы... вы! Как вы могли!..

– Что здесь происходит? – спросил я, нахмурившись.

Вера отвела меня в сторону.

– Ломка у неё, – шепнула она. – Организм требует дозы. Отсюда и депрессия.

Девушка вскочила и бросилась вон из комнаты.

– Оставьте меня все в покое! – крикнула она на бегу и заперлась в ванной. – Ненавижу вас всех, ненавижу!

Вера озабоченно покачала головой.

– Как бы она с собой что-нибудь не сделала.

– Оставь её, – сказал я. – Наше внимание только усугубляет её состояние. Пусть побудет одна. К утру отойдёт.

– Дай-то Бог, – с сомнением ответила она.

– У меня есть новости. Нехорошие. – И я рассказал ей о подслушанном разговоре двух неизвестных в беседке.

– Надо позвонить в милицию, – решительно заявила Вера.

Я кивнул. Дельная мысль.

Но позвонить мы не успели. Во входную дверь постучали. (С появлением в доме Марины мы стали запирались). Я внутренне напрягся. Кто бы это мог быть? В свете последних событий я больше не чувствовал себя здесь в безопасности.

Это оказался Вольдемар.

– Добрый вечер, господа, – с дежурной улыбкой приветствовал он нас.

– Добрый, – скупно отозвался я. – Вы по делу? А то мы собирались спать ложиться. Устали за день.

Я держал его в коридоре, с опаской поглядывая на дверь в ванную комнату. Лишь бы Марине не взбрело в голову выйти оттуда!

– Я вас не задержу, господа, – продолжал Вольдемар. – Вы уже пятые сутки здесь, не правда ли? Думаю, пора внести в ваш отдых некоторое разнообразие, культурную, так сказать, составляющую. Предлагаю совершить экскурсию в Тихвинский монастырь. Скажем, завтра. Вы как?

Я пожал плечами. Если честно, не до экскурсий мне сейчас было.

– Мы согласны, – за меня ответила Вера.

– Вот и отлично. – Вольдемар явно остался доволен ответом. – Завтра в девять утра к коттеджу подадут автомобиль. Только не опаздывайте: в десять в монастыре вас будет ждать экскурсовод. Думаю, за час доберётесь. Помните дорогу на Тихвин?

Я кивнул.

– Так мы что, сами поедем, без сопровождающих?

– Конечно. – Вольдемар вновь расплылся в улыбке. – Вы будете полностью предоставлены самим себе. Сопровождающий будет только стеснять вас.

Логично. В принципе, предложение мне понравилось. Хоть и не нравился мне этот лощёный хлыщ с вечно приклеенной улыбкой, в эту минуту я почувствовал к нему даже нечто вроде расположения.

– Мы согласны, – повторил я за Верой наше решение.

– Значит, завтра в девять, – кивнул на прощание Вольдемар и беззаботно зашагал по шуршащему гравию.

Мысли путались в моей голове. Я стоял и смотрел на Веру. Потом привлёк её к себе.

– Ты правильно решила. Нам нужно немного развеяться. Столько всего навалилось за последние сутки...

– Это не я, это ты решил, – мягко улыбнулась она. – А я лишь подсказала тебе решение. Съездим, посмотрим этот чудный монастырь. Я что-то слышала о нём, там какая-то особая икона есть, вроде как чудотворная.

Я машинально кивнул. Мысли мои сейчас были далеко от монастыря и чудотворной иконы. Я думал о нас. И о том, как бы поскорее закончился этот отпуск.

Нам всё-таки удалось уговорить Марину выйти из ванной. Вспышка ярости у неё прошла, но теперь её била крупная дрожь. Вера уложила её в постель, укутала, напоила горячим чаем.

– Спи, девочка, – ласково сказала она. – Завтра тебе будет лучше.

Я тем временем пытался прозвониться куда-нибудь во внешний мир, чтобы сообщить о готовящемся преступлении, однако телефон, который был установлен в коттедже, упорно молчал. Ни гудков, ни каких-либо иных признаков жизни. Связь отсутствовала. Я принялся терзать свой мобильник, но и здесь меня ждало разочарование. «Сеть не найдена» – настойчиво сообщал мне мой бесполезный аппарат. Что за чертовщина!

– Телефоны не работают, – мрачно сказал я Вере, когда она уложила наконец девушку.

Вера нахмурилась, но ничего не ответила.

Мы легли спать в тревожном состоянии духа. У меня постепенно зрела мысль: отсюда нужно уезжать, и как можно скорее. Думаю, Вера думала о том же.

Посреди ночи я проснулся в холодном поту. Страшная догадка пробудила меня. Мне вдруг стало совершенно ясно: чёрная туча смертельной опасности нависла над нами. Я рывком сел в постели.

– Что случилось, Ванечка? – спросонья спросила Вера.

– Это нас они собираются убить, понимаешь? – громким шёпотом проговорил я. – Мы и есть те «новички», о которых они говорили. Всех троих, понимаешь? А нас как раз трое. Я, ты и Василёк.

Сон слетел с неё в одно мгновение. Она тоже поднялась.

– Но зачем? Причём тут мы?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Ничего не понимаю. Один из них сказал, что приказ о ликвидации получен из Москвы. И ещё этот Хасан... у него какие-то старые счёты с этими «новичками»... с нами, получается.

– Хасан... – Она задумалась. – Марина говорила, что Хасан у них главный. Но мы-то здесь причём? – повторила она.

– Хотел бы я это знать. В любом случае, нам нужно отсюда убираться. Завтра, когда подадут машину, грузим вещи и уезжаем. Но не в монастырь, а напрямик в милицию.

– Правильно, – согласилась она. – Только вещи оставляем здесь, чтобы *они* ничего не заподозрили. Действуем так, словно мы и впрямь собрались на экскурсию. Берём только самое необходимое: деньги, документы, кое-что из еды...

– И Марину.

– И Марину, – кивнула Вера. – Девушку нужно отсюда увозить.

Я посмотрел на часы.

– Три часа. Спи, моя хорошая. Если, конечно, сумеешь теперь уснуть.

В голове была каша. Я ничего не понимал. Как так случилось, что мы снова по уши оказались в дерьме? Иначе наше нынешнее состояние я назвать не мог.

Утром выяснилось, что Марина ушла.

10.

Вера обыскала весь коттедж, но её нигде не было.

– Не выдержала, – печально сказала она, оставив поиски. – Видно, крепко они её на иглу посадили. Наверняка к своим вернулась.

– Они ей не «свои», – заметил я.

На душе скребли кошки. Я чувствовал себя опустошённым, словно внутри образовался какой-то вакуум и стиснул все мои внутренности в плотный болезненный комок. Бедная девочка! Где она сейчас?

Однако пора было позаботиться и о себе.

Ровно в девять Вольдемар подал к коттеджу старенькую «семёрку».

– Прошу, господа, – как всегда улыбаясь, сказал он. – Карета подана. Не Бог весть что, но до Тихвина добежит.

– Спасибо, – сухо ответил я.

Вольдемар поспешно удалился. Что-то он сегодня торопится. Впрочем, это его проблемы. Мы принялись собираться в дорогу.

– Будь осторожен, когда поведёшь машину, – шепнула мне на ухо Вера, когда мы рассаживались в авто. – Если мы и есть их жертва, то не исключено, что они попытаются избавиться от нас в дороге, подальше от отеля. Не тормози, если кто-то захочет остановить тебя. И остерегайся подозрительных машин.

– Чёрных «джипов», например, – криво усмехнулся я.

– Главное сейчас – добраться до города. Там мы будем в безопасности... Василёк, ты как? – обернулась она назад. – Готов?

– Живот что-то болит, – поморщился Васька.

Вера забеспокоилась.

– Надеюсь, ничего серьёзного? Может...

– Да нет, всё нормально. Крутит вот только что-то...

– Ничего, если прихватит, в дороге остановимся, – решил я. – Пора ехать.

– Пора, – согласилась Вера.

Ей, как и мне, не терпелось убраться отсюда, из этого бандитского гнезда, и чем быстрее, тем лучше. Мы покидали отель навсегда, покидали с двояким чувством. С одной стороны, мы были здесь счастливы, по крайней мере, первые четыре дня, – до тех пор, пока на нашем пути не встретилась Марина. Нет, Марина здесь не причём, просто так сложились обстоятельства. С её появлением у нас открылись глаза. С другой стороны... впрочем, и так всё ясно. Нас «заказали», и исполнитель «заказа» находился именно в этом самом отеле, в двух шагах от нас. Не слишком приятное соседство, надо заметить.

Дорога была пустыня. Мы не встретили ни одной машины, на «хвосте» у нас тоже никто не висел. У меня даже возникла мысль, что Вера ошиблась в своих предположениях, и ликвидация запланирована не в пути, а по нашем возвращении в отель. Только назад-то мы не вернёмся.

Мы благополучно миновали посёлок, в котором накануне бушевали страсти и громили «чёрных», и теперь катили по ухабистому шоссе. Я зорко всматривался вперёд, мысленно отмечая любой подозрительный объект, любое движение. Но всё было тихо.

Примерно на полпути Васька попросил остановить машину. Я нажал на тормоза.

– Что, живот? – спросил я. – Хочешь выйти?

Он молча кивнул. На его бледном лице выступили капельки пота.

– Беги вон в тот лесочек, там погуще.

Васька пулей выскочил из машины и понёсся в указанном направлении.

– Пожалуй, я тоже прогуляюсь, – сказала Вера. – Кто знает, есть ли в монастыре туалеты.
– Тогда и я с тобой.

Мы выбрались из машины. По обе стороны шоссе тянулся густой лес, совершенно непроницаемый для дневного света. Солнечные лучи не могли пробить эту вековую толщу и терялись уже в листве крайних деревьев. Я видел, как сын нырнул в подлесок и исчез из поля зрения. Мы с Верой взяли чуть левее, а войдя в лес, рассредоточились. Как говорится, «мальчики направо, девочки налево».

Справив нужду, я достал сигарету и с наслаждением закурил. Подожду, пока моё семейство закончит оправку. С этой точки мне хорошо был виден наш автомобиль. Где-то слева от меня должна быть Вера, чуть дальше – Васька. Всё, как говорится, под контролем.

Может быть, все эти страхи – лишь плод моего больного воображения? Или чей-то дикий розыгрыш?

Мощный взрыв потряс окружающее пространство. Сноп огня внезапно вырос над нашей бедной «семёркой», в воздух поднялись пылающие обломки её корпуса, словно это были не тяжёлые куски металла, а лёгкие пёрышки. На какую-то долю секунды я оторопел, с трудом осознавая, что произошло, а потом кинулся к Вере и Ваське.

Моя боевая подруга уже бежала мне навстречу. В круглых глазах её застыл ужас.

– Жива? – крикнул я на бегу. – Где Васька?

Слава Богу, Васька бежал следом. Он тоже был страшно перепуган.

– Ты поняла? – кричал я. – Они заложили в машину взрывное устройство. Если б не Васькин живот...

Видно, она представила, что могло бы быть, если бы мы не вышли из машины. Её забила крупная дрожь.

– Успокойся, родная, всё уже позади. Васёк, ты как?

– Н... нормально, – заикаясь, ответил сын. – Это... что было, пап?

– Долго объяснять, сын. – Я повернулся к Вере. – Нужно уходить отсюда, да побыстрее.

Они могут нагрянуть в любой момент, чтобы проконтролировать исполнение «заказа». Будем пробираться к городу лесом, вдоль трассы. На дорогу выходить опасно. Васька, осилишь путь в полтора десятка километров по густому лесу?

– У нас есть выбор? – по-деловому, совсем по-взрослому спросил сын. Он уже почти совсем успокоился.

– Нет.

– Тогда зачем спрашиваешь, пап? Надо так надо. Я уже не маленький.

– Вот и отлично. Вера, ты готова?

– Подонки! – вырвалось у неё. – Ребёнок-то здесь причём?

– Ладно, оставим анализ морального облика этих выродков на более удачное время. Надо идти.

Но мы не успели сделать и трёх шагов, как со стороны шоссе услышали шум подъезжающей машины.

– Всем в укрытие! – скомандовал я. – И чтобы ни звука!

Мы залегли в небольшом овражке, хотя с дороги вряд ли нас заметили, даже если бы мы стояли во весь рост. Я высунул голову и осмотрелся.

В десяти метрах от останков нашей «семёрки» остановился чёрный «джип». Из него один за другим вышли четверо мужчин, вооружённых автоматами. Пятый, водитель, остался за рулём. Все в камуфляже, с банданами на головах. Вылитые боевики. Насмотрелся я на них в своё время вдоволь.

Итак, гости пожаловали. По наши души.

11.

Вооружённые люди внимательно осмотрели место взрыва. Я не слышал, о чём они переговаривались, поскольку нас разделяло не меньше тридцати метров, однако по их настороженным взглядам, которые они бросали вокруг, мне стало ясно, что им уже известно о нашем исчезновении. Если они начнут осмотр местности, нам как-то. Надо было срочно что-то предпринимать.

Я нащупал под рукой увесистый камень, приподнялся, размахнулся и что было силы швырнул его в направлении шоссе. Камень упал по ту сторону дороги – я увидел это по дрогнувшему кустарнику, росшему в нескольких метрах от трассы. Бандиты как один устремились в том направлении.

– А теперь уходим! – шепнул я. – У нас фора не больше пяти минут. Быстро!

Мы рванули со всех ног вглубь леса. Лес был настолько густым, что нам буквально приходилось продирается сквозь чащу. Если они сообразят, в какой стороне нас искать, то запросто вычислят нас по оставленному следу. Как я сейчас жалел, что со мной Вера и Василий! В Вере я не сомневался, она женщина крепкая, выдержит и предельный темп, и длительный переход, а вот Васька... Я оглянулся на сына. Стиснув зубы и сдвинув брови над переносицей, он сосредоточенно шёл за мной след в след. Молодец, парень! Так держать! Вот только надолго ли его хватит?

Лес несколько поредел, идти стало легче.

– Бегом! – скомандовал я. – Чем дальше мы уйдём, тем больше шансов у нас выжить.

Лучше выложиться сейчас, в первые минуты, чем потом оказаться в лапах у убийц. Рано или поздно они поймут, что пошли по неверному следу, и изменят направление погони. С этого момента расстояние между нами будет неуклонно сокращаться. Единственный наш шанс – уйти как можно дальше и затаиться. Авось, пронесёт. А потом мы сможем вернуться к трассе. Вот только бы не заблудиться в этом чёртовом лесу.

Мы бежали уже минут сорок, то и дело переходя на шаг, чтобы отдышаться. Васька держался молодцом, за всё время лесного перехода он не проронил ни единой жалобы. Настоящий мужик растёт! Вера тоже проявляла стойкость и выдержку, лишь глубокая вертикальная складка, пролёгшая на лбу, свидетельствовала о большом напряжении, в котором она сейчас находилась. Ничего, выдюжим. На крайний случай мы разделимся, и я уведу «хвост» за собой. Одному мне куда легче будет уйти от преследователей.

Внезапно дорога пошла под уклон. Мы прибавили шаг и вскоре уже неслись вниз на максимальной скорости. Ваське даже удалось обогнать меня. Метров через двести начался подъём. Теперь идти стало намного труднее. Вверх приходилось карабкаться чуть ли не на карачках, всё чаще и чаще мы вынуждены делать остановки, чтобы хоть как-то восстановить силы и стабилизировать дыхание.

Когда подъём закончился, мы уже были в предельной стадии изнеможения. Не стовариваясь, мы повалились на траву, жадно хватая ртом воздух. Как ни странно, Васька оклемался первым. А мы с Верой целых две минуты не могли отдышаться. Проклятые сигареты!

– Живы? – прохрипел я, с трудом сдерживая рвущийся из груди кашель.

– Живы, – прохрипела Вера в ответ.

– Всё нормально, пап, – сказал сын.

Я потрепал его по русой голове.

– Так держать, Василий!

– Кто эти люди?

– Бандиты.

– Они хотят нас убить?

– Не волнуйся, сын, им это не удастся. Обещаю.

Раздвинув ветви кустарника, я внимательно оглядел противоположный склон, по которому мы только что спускались, в страхе ожидая появления преследователей. Но всё было тихо. У меня затеплилась призрачная надежда, что нам удалось-таки оторваться.

– Всё, пора! – Я вскочил на ноги. – Берём круто влево. Нельзя слишком удаляться от дороги. За мной!

Надежда придала нам сил. Бежать стало легче: открылось второе дыхание. Выбрав стабильный ритм, мы бежали теперь нога в ногу, как заправские бегуны.

– Держись, парень? – крикнул я на ходу, оборачиваясь к сыну.

Он молча кивнул.

Прошёл ещё час. Мы сбавили скорость и перешли на ходьбу. По моим расчётам, мы двигались параллельно шоссе, которое должно было проходить где-то слева. Преследователей не было. Но я знал: они могут появиться в любую минуту. Поэтому расслабляться нельзя.

В полдень я остановился.

– Привал пять минут, – сказал я.

Мы разлеглись на пригорке, подставив разгорячённые лица осеннему солнцу. Сейчас бы лежать и лежать, предаваясь неге последних тёплых деньков и не думая о постигшей нас беде. Но, увы, не думать не получалось.

– Подъём.

Мы продолжили путь. Я заметил, что Васька начал сдавать. Устал, бедняга.

– Ничего, скоро всё это кончится, – попытался подбодрить его я. – Держись, ты же мужик!

– Смотри, тропинка! – услышал я голос Веры.

Действительно, чуть правее я заметил едва заметную тропку.

– Где-то рядом должно быть жильё, – сказал я. – Деревня или село. Там нам помогут.

Мы прибавили шаг. Близость людей придала нам силы. Надежда вспыхнула с новой силой.

Через десять минут лес расступился, и нашим взорам открылась крохотная деревушка, дворов в двадцать, не больше. Со всех сторон она была окружена плотной стеной деревьев. Было такое впечатление, что цивилизация прошла мимо этого дикого уголка.

Мы прошли по деревне, пытаясь найти людей, но в какую бы избу мы ни сунулись, повсюду наткнулись на заколоченные двери.

– Что же это, а, Вань? – спросила Вера, вертя головой по сторонам. – Здесь совсем нет людей.

– Брошенная деревня, – ответил я упавшим голосом. – Селяне ушли отсюда в надежде на лучшую долю. В девяностых это было массовое явление, бросали целые деревни и уходили в города.

Надежда на помощь людей рухнула в одночасье. Нужно было продолжать движение. По моим расчётам, половину пути мы уже прошли. Главное – держать направление, всё время на север. В лесу я чувствовал себя как рыба в воде: запросто мог заблудиться в незнакомом городе, но чтобы в лесу – никогда.

– Глянь-ка, там, кажется, дымок! – воскликнула Вера. – Вон, над крайней избой!

– Где?

Я завертел головой, пока не заметил лёгкий дым, поднимающийся над одним из домов на самом краю деревни. Слава Богу! Значит, есть здесь всё-таки люди. У меня сразу отлегло от сердца.

12.

Люди – это слишком громко сказано. Всего лишь один древний дедок, и больше ни души. Он копался в крохотном огороде возле избы, выкапывая картошку. На зиму, сообразил я. Изба, хоть и ветхая, скроена была добротнo, видны были следы недавнего ремонта. К моему удивлению, позади дома я увидел стальной пенал гаража. Видать, цивилизация всё же слегка зацепила этот девственный уголок северной природы.

– Здравствуйте, дедушка, – поприветствовала его Вера, когда мы приблизились.

Старик не спеша разогнулся, долго вглядывался в наши лица, подслеповато щуря глаза и потирая рукой поясницу. Затем заковылял в нашу сторону.

– Кто такие будете, люди добрые?

– Дедушка, нам нужна ваша помощь.

Он закивал седой головой, будто соглашаясь с услышанным.

– Да-да... Лихие люди в лесу стали появляться. Но меня не трогают, Бог миловал. А вы, я вижу, люди хорошие. Проходите в избу, там и потолкуем.

Мы прошли в дом и вкратце рассказали ему всё, что с нами приключилось, опуская ненужные подробности. Дед долго молчал, потом угостил квасом. Мы вмиг осушили трёхлитровую бадейку.

– Плохо ваше дело, люди добрые, – сказал он, качая головой, – уходить вам надо. Скоро они будут здесь.

– Откуда вы знаете? – спросил я.

– Знаю. Лес для меня – дом родной, мы с ним одно целое. Всё, что в нём происходит, мне ведомо. Так-то.

– Нам в город нужно. Подскажите, как туда попасть наиболее коротким путём.

– Верно толкуешь, добрый человек, в городе ваше спасение. Вёрст десять до него будет. Только короткий путь – не самый надёжный. Я укажу вам дорогу, пойдёмте.

Мы вышли из полутёмной избы на лесной простор. Я снова окинул взглядом пустую деревню.

– Вы один здесь живёте?

– Один. Молодёжь вся в город подалась, а старики поумирали. Времена тяжкие настали, всё равно как в ту войну. Все о нас забыли, никому мы не нужны. По весне последнего земляка схоронил, с тех пор совсем один остался.

– А гараж вам зачем? Неужто машина имеется?

– Так то для внушка. Изредка навещает старика, продукты привозит, соль, сахар, спички, кое-что из одёжки. Крышу подлатать, по хозяйству помочь. А то и отдохнуть останется, на пару-тройку недель, от мирской суеты, от людской толчеи.

– Что ж он вас с собой не заберёт?

– Да он об этом только и твердит: поехали, дед, да поехали. Но не хочу я, понимаешь. Здесь мне покойней. Люди вокруг какие-то злые стали, особенно в городе, а лес – он всегда добрый. Он и кров даст, и накормит.

Мы вышли из деревушки и зашагали по едва заметной тропинке, которая змейкой вилась меж вековых деревьев. Внезапно мы оказались на крутом берегу небольшой речушки, берега которой густо поросли лесной растительностью.

– А вот и моя кормилица, Святогорка. Испокон века рыбёшка в ней водилась, ею и питаюсь. Много ли мне, старику, надо?... По Святогорке и пойдёте. Она напрямиком к северу идёт, вёрст пять, а потом вправо забирает. А дальше пёхом, там уже немного останется. Бог даст, выберетесь. Я и лодку вам дам. Лодчонка, правда, ветхая, как и я сам, но вас вывезет, не сомне-

вайтесь. Иначе нельзя: мальчонка-то ваш, гляжу, совсем из сил выбился. Да и молодке не пристало по лесу вёрсты наматывать.

– Спасибо, дедушка, – с чувством поблагодарила его Вера.

– А как же иначе? Мир на добре и любви стоит. А о лодке не беспокойтесь, оставьте её у излучины, я потом заберу. А вот и она, родимая.

Под самым берегом, на небольшой песчаной отмели, лежала опрокинутая вверх дном небольшая лодка.

– Спасибо, дед. – Я крепко пожал ему руку.

Мы спустились с обрыва на отмель. Я легко перевернул лодку, вставил в уключины вёсла, наполовину столкнул её в воду. Потом помог Вере забраться на корму, Васька запрыгнул сам и тут же разместился на носу.

– Как звать-то тебя, старик? – крикнул я, когда мы отчалили.

– Прохором меня величать. Прохором Степановичем. Да поможет вам Бог, люди добрые!

Я взмахнул вёслами. Лодка легко пошла по руслу в указанном дедом направлении. Святогорка, тихая лесная речушка, была метров двадцати в ширину, вряд ли больше. Шла она строго на север, изредка отклоняясь от меридиана то вправо, то влево. Вскоре песчаная отмель и обрыв с одинокой фигурой старика скрылись из глаз.

– Хороший человек, – сказала Вера.

– Да, таких сейчас редко встретишь. Если бандиты через него пойдут, ему туго придётся.

И он об этом знает.

– Ты думаешь, они всё ещё идут за нами?

– Не сомневаюсь. Им дан приказ нас уничтожить, и они постараются выполнить его во что бы то ни стало. Иначе их самих уничтожат. Я не знаю, кто такой Хасан, но, думаю, это человек матёрый. Он не станет щадить ни чужих, ни своих.

Я налегал на вёсла, выжимая из ветхой лодчонки всё, на что она была способна. Мы уже развили приличную скорость, когда до нас вдруг донеслись далёкие выстрелы. Сначала одна короткая очередь, потом вторая.

– Что это? – испуганно, понизив голос до шёпота, спросила Вера.

– Это в деревне, – сказал я. – Бандиты. Они уже близко.

– В кого они... – Она осеклась, не решаясь продолжить мысль.

– Не знаю, – жёстко ответил я. – Но, боюсь, ты права.

Я ещё прибавил скорости. Я не сомневался, что рано или поздно они обнаружат наши следы на песчаной отмели, а также след, оставленный лодкой, и тогда уж точно будут знать, где нас искать. Как бы быстро мы ни плыли, при желании они всё равно нас настигнут. И тогда... Как всё-таки жаль, что со мной Вера и Васька!

С реки надо было уходить. Здесь мы как на ладони, отличная мишень для этих подонков. Я мысленно прикинул, сколько им потребуется времени, чтобы нас догнать. Получалось что-то около четверти часа. Эти пятнадцать минут нужно было использовать по максимуму. А там – снова пёхом, как говорил старик. В глубине души я таил надежду, что стреляли всё-таки не в него.

С непривычки я стёр ладони до волдырей. Пот градом катился по моей спине, рубашка промокла и неприятно липла к телу. Вера и Васька затихли, сознавая всю отчаянность нашего положения. Эх, хотя бы какое-нибудь оружие! На худой конец, «макаров». Всё-таки можно было бы тягаться с этими уродами. А так, с голыми руками, мы только и могли, что принять геройскую смерть...

Сидя лицом к корме, я хорошо мог видеть левый берег, где следовало ожидать погоню. Я прошупывал взглядом каждое деревце, каждый куст, каждый пригорок, в тревоге ожидая, не мелькнёт ли там фигура в камуфляже. Но пока всё бы тихо.

– Пап, они нас догонят? – спросил Васька, ёжась от нервного озноба.

– Помнишь, что я тебе обещал? С нами ничего не случится.

Я постарался придать своему голосу уверенности, хотя какая тут может быть уверенность, когда на хвосте висит целая орава боевиков?

И в этот момент на берегу, метрах в пятидесяти, на какую-то долю секунды обозначилась фигура человека – и тут же скрылась за плотным прибрежным кустарником. Показалось? Нет, вот ещё одна.

– Они уже здесь, – прошептал я.

– Пора высаживаться, – сказала Вера, выискивая взглядом преследователей. – На противоположном берегу. Тогда между нами будет река.

– Нет, – решительно возразил я. – На том берегу негде спрятать лодку. Они сразу же вычислят нас по ней. А такую незначительную преграду, как эта речушка, они запросто преодолеют. Укрыться следует на *этом* берегу. А вот, кстати, и подходящее место.

Метрах в двадцати по курсу река делала небольшой поворот вправо. Высокий левый берег в этом месте, густо поросший ивняком и подмытый водами речушки, нависал над водной гладью, образуя идеальное укрытие от глаз тех, кто находился наверху. Ветви старой ивы ниспадали здесь чуть ли не до самой воды.

Я направил лодку к обрыву. У самого берега выпрыгнул из лодки и оказался по пояс в ледяной воде. Ноги тут же погрузились в противную илистую жижу. Потом притянул лодку к себе.

– Теперь тихо! – шепнул я. – Чтобы ни звука, ясно? Переждём, пока они пройдут.

Усадив Ваську на среднюю банку, я прижал его к себе спиной и зажал рот ладонью, чтобы, не дай Бог, он от страха не вскрикнул, когда эти подонки окажутся рядом. Второй рукой я крепко держал лодку.

Мы замерли в ожидании самого страшного.

13.

Внезапно совсем рядом послышались голоса. Началось!

– Махмуд, ты их видишь?

– Да только что были. Наверное, за поворот ушли. Их нельзя упустить, иначе Хасан с нас башку снимет.

– С меня-то, положим, не снимет. Это для вас, нехристей, он царь и бог. А мне он никто.

– Со всех снимет, клянусь Аллахом. Так что давай поднажмём.

– Ничего, далеко не уйдут, река у нас под контролем. Пойду-ка я отолю, что ли. Вон с того обрыва. Пива наакался с утра, вот и льёт в тридцать три струи.

– погоди, я с тобой...

Над нашими головами раздался хруст ломаемых сучьев и ветвей, крона ивы дважды дрогнула.

– Ну и дебри, твою мать! – выругался один из бандитов. – Прямо джунгли.

И тут же в воду, буквально в полуметре от нашей лодки, брызнули две струйки: бандиты опралялись. Я сильнее прижал к себе Ваську.

– Давно Хасана знаешь?

– С девяносто третьего, когда у нас ещё только всё начиналось. Генерал как раз объявил суверенитет Ичкерии и начал формировать армию. Я уже тогда входил в состав группы Хасана.

– А я в это время в аккурат по первой ходке шёл. Молодой был ещё, зелёный, совсем пацан.

– Много жмуриков на тебе?

– А это, Махмуд, не твоё дело, понял? Хватает.

– Зачем старика-то завалил?

– Рожа мне его не понравилась. Зыркалами своими сверлит, как рентгеном. Ненавижу.

– Как у вас, у русских, всё просто. Взял – и замочил.

– А у вас не так, что ли?

– Джигит просто так не убивает. Только за дело.

Неизвестный, по всей видимости русский, захохотал.

– Ты мне баки-то не заколачивай, чечен. Знавал я ваших отморожков, ещё там, на киче: сначала палят, а потом фамилию спрашивают.

– У Хасана-то что делаешь? Не твоя это война.

– А мне по херу эта ваша война. Просто мне здесь спокойней. В розыске я, понял? Моя рожа на каждом фонарном столбе висит. А коли надоест – уйду, ищи тогда ветра в поле.

– Хасан так просто не отпустит.

– А это мы ещё поглядим. Я птица вольная, где хочу, там и летаю.

В этот момент метрах в пяти от нас плеснула крупная рыба. Рябь пошла по воде, лодку слегка качнуло. Весло, лежавшее на борту, с плеском соскользнуло в воду. У меня замерло сердце. Ну всё, каюк!

– Эй, там кто-то есть! Слышал плеск, Махмуд?

– Да рыба это играет.

– Рыба, говоришь? А вот я сейчас проверю.

– И охота тебе мокнуть, Сиплый? Ноги только переломаешь. Берег-то вон какой высокий.

– Задницей чую, там кто-то есть. Дай-ка, что ли, я туда гранату швырну.

– Оставь, шуму только наделаешь. Нет там никого, клянусь Аллахом.

– Без сопливых разберёмся. Отвали лучше в сторону, а то осколком зацепит.

Я видел, как побледнело лицо Веры. Наверное, моё было не лучше. Я напрягся, ожидая падения гранаты. Если это случится, я успею схватить Ваську и прикрыть его от осколков. А там... Бог даст, хоть его удастся спасти.

Откуда-то издали донёсся властный окрик.

– Слышь, Сиплый, это по нашу душу, – услышал я голос чеченца у себя над головой. – Командир зовёт. Всё, уходим! Уходим, я сказал!

– А ты на меня не дави, чеченская морда, я сам себе хозяин... Ладно, идём. Эх, надо было всё-таки гранату туда швырнуть!

Снова захрустел сухой валежник под ногами бандитов. Они удалялись. Я с трудом верил в то, что нам удалось избежать верной, казалось бы, смерти.

Вера зашевелилась. Я предостерегающе покачал головой: сиди спокойно, мол, они ещё близко. Если вернуться, то гранаты нам точно не миновать. Дважды выигранный билет не выпадает.

Я выждал пятнадцать минут. Больше тянуть было нельзя. Во-первых, я закоченел, как цуцик – не хватало только от гипотермии свалиться! Во-вторых, нужно было срочно уходить из этого опасного места: бандиты, обнаружив, что нас нет на реке, в любой момент могли вернуться.

Кое-как мы выбрались из воды на берег. Я в бессилии рухнул на траву. Устал так, будто отмахал кросс в двадцать километров. Вера и Васька молча опустились рядом. Но уже через пять минут я был на ногах.

– Ничего, мои родные, прорвёмся. Осталось немного, потерпите.

– Куда же нам теперь? – в растерянности спросила Вера.

– Обратно, в деревню. По этой дороге они точно не пойдут. А оттуда свернём к шоссе.

– А потом?

– Поймаем попутку и доберёмся до города. Так что не раскисайте, дорогие мои. Всё у нас будет путём... Эй, Васёк, ты чего суксился? Неужто устал?

– Н... нет, я ничего, – чуть слышно ответил сын. Как он ни бодрился, усталость брала своё.

– Лезь на загривок, – распорядился я. – Отдохнёшь малость.

– Не надо, пап, я сам, – заартачился Васька. – Я смогу.

Я улыбнулся. Настоящий мужик растёт!

– Знаю, что сможешь. Просто тебе нужен небольшой отдых. А потом снова на своих двоих потопашь. Давай, залезай! Времени, сам понимаешь, в обрез.

Он нехотя согласился. Взгромоздив сына на плечи, мы снова тронулись в путь, только теперь в обратном направлении. Река оставалась по левую руку, я всё время держал её в поле зрения, опасаясь сбиться с пути. До деревни оставалось совсем ничего, когда мы учуяли запах гари.

– Что-то горит, – сказал я, вертя носом в поисках источника дыма. – Это в деревне. Поторопимся!

Когда мы вошли в деревню, крайняя изба – та самая, в которой нас принимал добрый чудной старик, – всюю полыхала. Огонь уже вылизал всю мало-мальски горючую утварь и теперь пожирал толстые брёвна столетнего сруба.

Мы нигде не нашли Прохора Степановича, ни живого, ни мёртвого. Они всё-таки убили его, а тело оставили гореть в пламени гигантского костра. Другого варианта я не видел.

– Пора, – тихо сказал я, обняв за плечи жену и сына. Вера всхлипнула.

Наш путь лежал в сторону шоссе.

14.

До трассы мы добрались без происшествий. Я в конец вымотался, таская Ваську на своих закорках. Никогда не думал, что он такой тяжёлый. Чувствуется мужская закваска.

Мы не стали сразу выходить на шоссе, а притаились в придорожном кустарнике. Что-то нас удерживало. Эта дорога вела в лесной отель через посёлок – тот самый, в котором пару дней назад доморощенные скинхеды учинили расправу над «чёрными». Ловить на этой трассе попутку – значит почти наверняка нарваться либо на служащих отеля, направляющихся в город по своим делам, либо непосредственно на бандитов. Что, впрочем, одно и то же, если учесть, что все они заодно. На наши поиски наверняка было высланы дополнительные силы, и я бы очень удивился, если бы по этой трассе не курсировал ещё один автомобиль с подручными Хасана.

Я поделился своими опасениями с Верой, и она полностью меня поддержала.

– Лучше идти пешком под прикрытием деревьев, – сказала она. – Так меньше риска попасть им в лапы.

– Перекур пять минут, – принял я решение, – и идём дальше. Василий, ты как, отдохнул?

– Пить хочу, – сказал сын. – И есть.

– Потерпи, скоро дойдём до города, тогда наешься от пуза.

– На подходах к городу нас может ждать засада, – заметила Вера.

– Значит, будем соблюдать осторожность. Ничего, прорвёмся!

Я закурил, и в эти короткие минуты передышки решил проверить работоспособность своего мобильного. Увы, связи так и не было. У Веры тоже самое. Я в сердцах выругался.

– Беспольные игрушки! Когда нужно, от них никакого толку!

– Вот и хорошо, – заметила Вера. – Нас вполне могут прослушивать.

– И то правда, – согласился я, вдруг сообразив, что чуть-чуть не засветился.

В этот момент со стороны шоссе послышался шум приближающейся машины.

– Тихо! – прошипел я. – Всем лежать и не двигаться!

Мимо нас, всего в нескольких метрах, в сторону Тихвина медленно прошёл автомобиль. Сквозь заросли кустарника, который надёжно скрывал нас от посторонних взоров, я отчётливо различил в салоне авто несколько бородатых рож. На беззаботных туристов они явно не походили. Когда шум мотора стих, я позволил себе пошевелиться. Ощущение, надо сказать, было не из приятных.

Я переглянулся с Верой. Она молчала. Впрочем, всё ясно было и без слов.

– Идём по намеченному плану. Пригородные деревни и посёлки обходим стороной – там нас наверняка будут ждать.

Мы углубились в лес метров на тридцать – так, чтобы сквозь лесную чащу просматривалась лента шоссе, и двинулись в сторону города. При этом я не забывал зорко смотреть в противоположную от дороги сторону: первая группа наших преследователей была где-то там, в этих нетронутых дебрях.

Прошёл час. Наша небольшая группа уверенно продвигалась к городу. Всё было спокойно, за это время нам не встретилось ни одной живой души. Лишь однажды на шоссе мелькнула уже знакомая машина, только теперь она направлялась в сторону отеля. Поиски продолжаются, понял я.

Васька совсем выбился из сил. Он не жаловался, по-мужски перенося лишения, но я видел, что ещё немного, и он свалится без сил. Пришлось снова взгромоздить его на плечи. А тут ещё Вера подвернула ногу, когда мы пересекали один из многочисленных оврагов. Хромая, стиснув зубы от боли, она плелась за нами, с каждым шагом отставая всё больше и больше.

– Дойдёшь? – спросил я, с состраданием заглядывая ей в глаза.

– Куда ж я с подводной лодки... – сквозь зубы процедила она.

– Обопрись на меня, – предложил я, пытаясь хоть чем-нибудь ей помочь.

– Вот ещё, – проворчала она. – С тебя и Василька достаточно. Лучше палку мне какую-нибудь найди, заместо костыля будет.

Я спустил Ваську на землю (уф, и тяжёлый всё-таки у меня сынуля!), сломал небольшое деревце, очистил его от ветвей.

– В самый раз будет. На, подруга, держи!

И снова мы в пути. Прошло ещё минут двадцать, как лес начал редеть. Мы вышли на опушку, вдоль которой шла просёлочная грунтовая дорога. Сразу за дорогой простиралось недавно сжатое поле, то тут, то там на ровной его глади торчали купола стогов, источающие пряный аромат сохнувшей травы. А за полем, сверкая на солнце золотыми куполами, высилась церквушка.

– Там село, – кивнул я на церковь. – Нужно его обойти.

– Может быть, на людях нас не тронут? – с надеждой спросила Вера.

– А им и трогать нас не надо. Просто расстреляют из машины и слиняют. Потерпи, Верунчик, до города осталось совсем ничего.

Она молча согласилась. Мы сделали значительный крюк и обогнули опасный участок. Я всё время держал деревушку в поле зрения, и один раз мне даже показалось, что я вижу лакированный бок чёрного «джипа».

В лесу появились тропинки. И чем ближе мы продвигались к городу, тем больше их становилось. По пути попало несколько остывших кострищ. Сейчас лес практически ничем не отличался от подмосковного. Мы обошли стороной ещё один населённый пункт, всё время оставаясь под густой сенью деревьев. Однажды мы наткнулись на шумную молодёжную компанию, от души веселившуюся на лоне природы. Я не рискнул приблизиться к ним: возможно, кто-то из бандитов сейчас наблюдает за ними в надежде, что мы обратимся к ним за помощью. И тогда этот весёлый пикник превратится в братскую могилу – как для нас троих, так и для этих ни о чём не подозревающих молодых парней и девчонок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.